

© 2002 г.

А.Т. ЗАБИРОВА

ТЕНДЕНЦИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОДВИЖНОСТИ КАЗАХОВ (на примере Астаны)

ЗАБИРОВА Айгуль Тлеубаевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Казахстан).

90-е годы отличаются резким переломом в урбанизационных процессах Казахстана. Специфика урбанизации здесь в советское время заключалась в зависимости развития городов от индустрии, причем в городах преимущественно оседало восточно-европейское население (русские и меньше украинцы). Коренное население, занятое в основном в сельскохозяйственной и перерабатывающей сферах, проживало в селах. Распад

Статья подготовлена при финансовой поддержке Фонда К. и Дж. МакАртуров (грант № 0062792 "Казахи: миграционная мобильность и этническая идентичность").

Советского Союза привел к фундаментальным системным изменениям, одним из последствий которого стал массовый выезд русскоязычного населения (прежде всего горожан) из республики. В то же время аграрные реформы капиталистического типа привели к заметной внутренней миграции казахов из села в город. В сравнении с советским периодом произошло некоторое увеличение их миграционной подвижности. По данным первой советской переписи 1926 г., в городах проживало лишь 2% казахов. Перепись 1939 г. фиксирует увеличение их численности до 16%, что означало резкий рост удельного веса казахов-горожан (за 12 лет в 8 раз). В основе столь значительного повышения доли казахского городского населения лежит комплекс причин, важнейшей среди которых явилась политика коллективизации и перевода казахов на оседлый образ жизни. В период с 1939 по 1989 гг. доля казахов-горожан достигла 38%, что означало увеличение их численности в 2,3 раза [1]. Эта тенденция еще более ярко проявилась в 90-е годы. В данной статье особенности современной миграционной подвижности казахов рассматриваются на примере миграционных потоков в город Астану - с 1994 г. *новую столицу Республики Казахстан*.

Сегодня внимание специалистов по проблемам миграции г. Астана привлекает прежде всего тем, что здесь наблюдается один из самых высоких миграционных приростов в республике. Об этом свидетельствует динамика численности населения города: если в 1996 г. в нем проживало 278,7 тыс. человек, то на 1 октября 2001 г. - 490,8 тысяч [2]. На эту ситуацию повлияли как демографические (высокая плотность населения на юге республики и низкая - на севере), так несомненно, и геополитические факторы (перенос столицы из Алматы в Астану). Главное же заключается в том, что сюда направляются миграционные потоки — носители новых тенденций и особенностей современных перемещений казахской части населения республики. Из них представляется важным выделить следующие два.

Первый составляют казахи — межгородские мигранты, прибывающие в Астану из областных центров (за исключением юга страны), имеющие, как правило, высшее или специальное образование, квалификацию, материально обеспеченные и знающие русский язык. *Второй* поток - это казахи, прибывающие из сел (в том числе - южного Казахстана), чаще не имеющие высшего образования, квалификации, с низкими доходами, владеющие только казахским языком. Сравнительный анализ этих двух групп (различающихся не только территориально, но и ресурсно) позволяет лучше представить изменяющийся социально-культурный облик Астаны вследствие изменений этнодемографической структуры населения города. В советский период в городе многие годы доминировали русская культура и русский язык. На момент передислокации столицы он преимущественно состоял из восточно-европейского населения и русскоговорящих казахов. Отсюда актуальность вопроса о том, как поведут себя бывшие жители моноэтничных и монопольных регионов на новом месте. Совершенно очевидно, что предпочтения этих групп в сфере занятости, культуры и языка во многом повлияют на социокультурную мозаику новой столицы Казахстана, на развитие современного или традиционного уклада жизни этого города.

В рамках проекта "Казахи: миграционная мобильность и этническая идентичность" мы провели социологическое исследование "Сельско-городская и межгородская миграция казахов в Астану". В нем решались следующие основные задачи: 1) выявление мотивационного ядра миграции казахов в города и определение социально-демографического, социоэкономического и социально-культурного состава мигрантов; 2) анализ проблем адаптации мигрантов на новом месте; 3) измерение этнической идентичности сельских и межгородских мигрантов с целью выяснения ее роли в адаптации к городской среде. Сбор первичных данных совершался методом опроса. Были составлены отдельные вопросники: для сельских мигрантов на казахском языке, для межгородских мигрантов - на русском; специальный вопросник предназначался для опроса жителей города Астаны. Проведены две целевые выборки респондентов (100 человек - сельско-городские мигранты и 100 - межгородские). Третья выборка носила репрезентативный характер и включала 300 жителей г. Астаны (с учетом половоз-

растного, социально-профессионального и имущественного индексов). Использовалась также качественная методология - в частности, глубинные интервью, которые проводились как на первом этапе работы с целью коррекции вопросника, так и на втором - для уточнения некоторых данных, полученных в ходе опроса. Применялись и некоторые тестовые методики - "Культурно-ценностный дифференциал", а также тест Куна и Макпартленда "Кто Я?". В ходе подготовки вопросника, а затем на этапе интерпретации социологической информации был использован метод фокус-группы. Следует заметить: репрезентативный отбор сельских и межгородских мигрантов был заменен целевым, прежде всего, из-за отсутствия полной и достоверной информации об исходной, генеральной совокупности (мигрирующие в Астану). По оценкам экспертов, сельско-городские мигранты до 30-40% являются неучтенными жителями столицы по таким причинам, как невозможность получения прописки, сезонный характер миграции. Однако некоторая работа по репрезентации данных была проведена. Речь идет о пространственной локализации: были "районированы" точки прибытия — сельские районы областей Южного Казахстана и областные центры Казахстана, за исключением областных центров юга республики, в том числе Алматы.

Поставив задачу выявления *мотивов* сельско-городской и межгородской миграций, мы выдвинули следующие гипотезы. Люди выезжают в Астану из таких городов, как, например, Караганда, Кустанай или Павлодар, прежде всего вследствие изменений политики урбанизации в республике. Поскольку одной из основных форм миграции в Астану является переселение из областных и районных городов, была предположена зависимость между уровнем доходов и типом миграции, а также между уровнем образования и миграционной мобильностью. Предполагалось, что сезонная форма миграции будет характерна для менее обеспеченных семей, не имеющих возможности покупки жилья в Астане или долгосрочной аренды. Принятие же решения о перемещении в Астану на постоянное место жительства будет характерно для обеспеченных слоев областных центров республики, располагающих возможностью покупки жилья или длительной аренды. Общепринято полагать, что люди, не связанные семейными узами, более предрасположены к миграции, однако опыт некоторых стран Востока, например, Южной Кореи, показывает, что лишь четверть южнокорейцев мигрирует в одиночку. Гипотеза о том, что в Астану мигрируют чаще семьями, а не в одиночку, также требовала своей проверки.

Как уже отмечалось, капиталистические реформы на селе привели к избыточному сельскому населению; другой результат этих реформ - обнищание сельских жителей. Но к числу причин сельско-городской миграции нельзя отнести только выталкивание селом части населения, надо иметь в виду и возможности реального улучшения экономического положения сельских мигрантов в городе, несмотря на широкое распространение скрытой безработицы или неполной занятости в неформальном секторе. Известны специфические особенности рынка труда, типичные для восточных стран. Речь идет об этническом и региональном закреплении профессий и сфер занятости, о том, что темпы внутренней миграции во многом зависят от профессиональной ниши, которую могут занять представители того или иного региона на рынке труда. Астана, как становящаяся столица, содержит в себе возможности освоения подобных ниш в бюджетной сфере государственного сектора. Предполагалось, что их занимают преимущественно мигранты из других городов как более квалифицированные и образованные. Еще одна ниша, которую будет стремиться занимать та же группа, — формальный сектор капиталистической экономики. Немало возможностей содержит в себе и так называемый неформальный сектор — особенно торговля и услуги. Мигрирующие в Астану из аграрных районов юга республики, как показывает проведенное исследование, преимущественно попадают именно в этот - неформальный, или третичный сектор городской экономики. Судя по результатам опроса сельско-городских мигрантов, к числу основных мотивов переезда в столицу относятся более широкие возможности занятости на рынке труда (2/3 респондентов), а также стремление улучшить материальное положение. Безусловно, фактор "выдавливания" человека из деревни

дает о себе знать и в нашем случае. При ответе на вопрос "Что не нравилось на прежнем месте жительства?" 44% сельских мигрантов ответили, что трудно было найти работу, 31% опрошенных не устраивала заработная плата. На вопрос "Почему Вы переехали в столицу?" - 19% респондентов из этой же группы ответили, что хотели улучшить свое материальное положение, 11% - предполагали помочь семье, которая осталась в селе. В данной группе, как видим, доминирует социально-экономическая мотивация миграции. В группе межгородских мигрантов также преобладает мотив - улучшить материальное положение (30% опрошенных); 27% переехали в столицу, поскольку на прежнем месте жительства не могли найти работу. Сюда же примыкают 24% респондентов, полагающих, что в столице больше возможностей успешного трудоустройства. Отметим, что в структуре ответов на вопрос "Что не нравилось на прежнем месте жительства?" у межгородских мигрантов, в отличие от сельских, были зафиксированы и такие причины, как "низкая культура населения", "негде учиться детям". Но все же основной мотив межгородской миграции - социально-экономический, хотя сильна и достиженческая мотивация. Иначе говоря, люди мигрируют из села в город, из города в город в первую очередь по социально-экономическим соображениям. Одновременно фактор "выталкивания" присутствует в случае выезда не только из села, но и областного центра в столицу.

Проведенное полевое исследование в определенной степени подтверждает гипотезу о том, что в среде сельских мигрантов преобладают те, кто не имеет специальности, образования, малоквалифицированные работники. 27% из них имеют общее среднее образование, 22% - среднее специальное. Лиц, имеющих высшее образование, в сравнении с выборкой межгородских мигрантов оказалось почти в два раза меньше - 35 и 69% соответственно. Предположение о том, что среди перемещенных часто встречаются и семейные люди, подтвердилось в ходе исследования. Так, в выборке сельских мигрантов 49% состоят в законном браке и еще 6% - в гражданском. Среди межгородских мигрантов таких соответственно - 43% и 7%. Как показали результаты опроса, если принимается решение о переезде, то в половине случаев казахи мигрируют не в одиночку, а семьями. При этом различий по таким признакам, как регион проживания, образовательный уровень не наблюдается. В случае с сельскими мигрантами чаще сначала приезжает глава фамилии, затем (в течение нескольких месяцев) и остальные члены семьи. Мигрирующие из сельских районов не продают, как правило, свое жилье в месте выезда, в отличие от семей, мигрирующих в Астану из областных центров, что позже находит отражение в различиях жилищных условий сельских и городских мигрантов в столице.

Данные свидетельствуют: у сельско-городских мигрантов в сравнении с межгородскими более высокий уровень ежемесячного дохода. Так, среди первых получают от 1000 до 3000 тенге (5 тенге эквивалентно российскому рублю) 5% опрошенных, а от 3000 до 5000 тенге - 10%, тогда как доли межгородских мигрантов выше - 10% и 18% соответственно. Среди имеющих от 5000 до 10000 тенге в месяц больше сельских - 39%; межгородских — 27%. Количество сельских мигрантов, располагающих доходом от 10000 до 15000 тенге в месяц, в сравнении с межгородскими также выше: 33% и 19% соответственно. Но в отметке "15000 тенге и выше" зафиксировано преобладание межгородских мигрантов - 25%, сельских - 12%. (По 1% респондентов в каждой выборке не ответили на вопрос о доходах.) Интересно сравнить объективные параметры социально-экономического статуса респондентов с их самооценками собственного положения. В обоих вопросах респондентам предлагалось обозначить себя в континууме от 01 до 09, где 01 означает нищету, низкое положение в социальной структуре общества, а 09 - богатство, идентификацию себя с самыми верхними слоями в социальной иерархии. Несмотря на то, что по уровню дохода сельские мигранты в определенной степени превосходят межгородских, на лестнице нищеты - богатства они чаще, чем межгородские мигранты, располагают себя ближе к полюсу бедности. Иначе говоря, фактически идентифицируют себя с низшими городскими слоями общества. Скорее всего "ножницы" в уровне доходов и самооценках в этой группе

обусловлены жилищными условиями сельских мигрантов в месте вселения. Выявлена разница жилищных условий в местах их выезда и вселения. Так, в месте выезда 51% респондентов имели дом, находящийся в частной собственности, более 40% жили в домах, принадлежащих родителям, другим родственникам. Иная картина в месте вселения, в Астане: 9% имеют дом, находящийся в личной собственности, 5% живут в домах, принадлежащих родственникам, 2% - в домах, принадлежащих предприятию. Лишь 7% имеют отдельную благоустроенную квартиру, 12% - отдельную квартиру без коммунальных удобств. В общежитиях живут 30% опрошенных; кооперируясь с другими семьями, арендуют жилье 31%. Видимо, различия в субъективных оценках социально-экономического статуса сельских и межгородских мигрантов во многом объясняются также различиями в структуре расходов обеих групп. У сельских мигрантов значительная часть заработанного уходит на оплату за жилье. Другая часть заработанного (не меньшая) "уходит" в семьи, оставшиеся в селе.

Гипотеза о том, что межгородские мигранты имеют возможность покупки жилья по приезду в Астану, подтверждается данными исследования. Среди них имеют отдельную благоустроенную квартиру в этом городе 47%, квартиру без коммунальных удобств - 5%, дом, находящийся в личной собственности, - 2%, арендуют жилье - 22%, живут в общежитии - 10%. По всей видимости, возможность покупки жилья сразу по приезду в Астану, либо через непродолжительное время, влияет на социальное самочувствие перемещенных. Большинство межгородских мигрантов, имея в сравнении с сельскими мигрантами более низкий уровень дохода, фиксируют себя в центре континуума (04-06). Отчасти это связано с тем, что межгородские мигранты, в сравнении с сельскими, чаще заняты в бюджетной сфере государственного сектора, поскольку представляют собой людей с высоким образовательным и квалификационным уровнем. В данном случае можно предположить несколько завышенный характер субъективных самооценок межгородских мигрантов. Речь идет о том, что в городах Центральной Азии (и Астана здесь не исключение) низшие городские слои представлены не мелкими предпринимательскими слоями, а низкодоходными группами населения, занятыми в бюджетной сфере государственного сектора.

Теперь подробнее остановимся на вопросах *адаптации* мигрантов. Данные наблюдаемого замера позволяют фиксировать определенные различия в трудностях, с которыми столкнулись мигрировавшие в Астану из сел и городов. У сельских мигрантов на первом месте находится такая проблема, как нехватка денег (34%). Вторая - связана с поисками жилья (32%). Трудности с поисками работы находятся на третьем месте (13%). 21% респондентов назвали другие трудности, с которыми они столкнулись при переезде в Астану. В группе межгородских мигрантов "иерархия" трудностей несколько иная: 45% встретились с проблемами поиска жилья, 25% - работы, 21% - испытывали нехватку денег. Замечено, что сельские мигранты, имея более низкий образовательный и квалификационный статус по сравнению с городскими мигрантами, проявляют и меньше амбиций. Они чаще согласны на любой труд, что в итоге оборачивается их более быстрым трудоустройством. Анализ рынка труда в Астане показывает, что наиболее востребованным сегодня продолжает оставаться малоквалифицированный и неквалифицированный труд. Вот почему трудности, связанные с поисками работы, у сельских мигрантов находятся лишь на третьем месте. Что касается жилищных условий, то перемещенные в Астану из других городов имели, как городские жители, более качественное жилье в сравнении с сельскими, поэтому для них было важно и в этом аспекте не допустить социального отката. Например, 84% опрошенных межгородских мигрантов в месте выезда имели собственное жилье, преимущественно в виде благоустроенной квартиры (58%). К сожалению, в исследовании не был задан вопрос о размерах жилой площади в местах вселения и выезда. Но, учитывая все возрастающие цены на рынке жилья Астаны и одновременное падение цен на жилье во многих областных центрах республики, можно предположить, что межгородские мигранты все же несколько теряют в жилищных условиях при переезде в столицу.

Опросы всех групп мигрантов показали особое значение занятости как одного из основных механизмов адаптации человека на новом месте. Исследование подтвердило: ведущей формой занятости для сельских мигрантов из южного региона республики в Астане является так называемый неформальный, или "базарный", сектор, который консервирует в себе традиционные формы хозяйственной деятельности. Вследствие трансформации казахстанского общества слои населения, занятые в упомянутом секторе, представлены сегодня большими группами в социальной структуре общества. Неформальный сектор предоставляет работу городской бедноте, в том числе мигрантам из деревень и сел, иначе они остались бы без средств существования. Одновременно этот сектор есть некий эквивалент скрытой безработицы, политической нестабильности; слои населения, занятые здесь, обычно определяются в научной литературе как маргинальные. Однако, как показывает казахстанская практика, сельские мигранты не являются источником политических беспорядков, несмотря на свой маргинальный социоэкономический статус.

Доля занятых в так называемом "фирменном" секторе в наблюдаемом замере является небольшой. Здесь также наблюдается стратификация по месту выхода: сельские мигранты - это почти все наемные работники, а межгородские - работодатели, но этот слой является чрезвычайно узким. "Фирменный" сектор функционирует на капиталистических началах и рассматривается как современный, вместе с тем в казахстанском обществе, как трансформирующееся, модернизирующее воздействие города не может быть измерено только долей населения, занятого в "фирменном" секторе. Чаще межгородские мигранты оказываются занятыми в бюджетной сфере государственного сектора, - это такие сферы, как государственное управление, системы высшего и среднего образования, здравоохранение.

Поиски работы являются одной из самых трудных проблем адаптации мигрантов. Респондентам был задан вопрос: "Как Вы нашли работу?" Выяснилось, что среди приехавших в Астану из других городов 37% нашли ее через родственников, 16% помогли друзья, 19% устроились на работу самостоятельно, а 11% она была предложена различными организациями и предприятиями. Попытки трудоустройства через объявления в прессе увенчались успехом для 5% опрошенных, 2% решили вопрос в результате обращения на биржу труда. Случай, удача помогли обрести работу 6% респондентов. В другой группе (сельские мигранты), согласно полученным данным, 50% опрошенных в поисках работы оказали содействие родственники, земляки, 29% нашли ее самостоятельно; 9% - с помощью друзей. Объявления в прессе помогли трудоустройству 6%, а 4% работа нашлась по счастливому случаю. Как видим, половина опрошенных (по 50% в обеих выборках) обратилась за помощью в поисках работы к родственникам, что явилось наиболее результативным средством в трудоустройстве. По нашим данным, 7% сельских мигрантов обращались в службу занятости, но, судя по ответам, ни у кого из опрошенных попытка не увенчалась успехом. Таким образом, еще раз подтверждается существенная роль "неформальных" механизмов адаптации не только при миграции из села в город, но и при переезде из одного города в другой.

Какие же позитивные перемены произошли в жизни мигрантов после переезда в Астану? На вопрос "Какие изменения произошли в Вашей жизни после того, как Вы приехали в столицу?" 53% межгородских мигрантов ответили, что у них появилась работа, а 17% оказались в состоянии помогать родственникам. В группе сельских мигрантов 40% ответили, что нашли работу; 32% теперь имеют возможность прокормить свою семью, 23% смогут помогать родственникам, оставшимся в селе. Если сопоставить самооценки этих респондентов относительно своего статуса (лестница богатства) и их оценки удовлетворенности жизнью в настоящем, то между ними вновь обнаруживаются "ножницы". Это можно объяснить в какой-то степени характером притязаний (заниженных), который имеют вчерашние сельские жители. В среде прибывших в столицу из областных центров также выявляются подобные "ножницы". Но причина их иная: по всей видимости, для межгородских мигрантов наиболее характер-

на стратегия поведения, направленная на достижение успеха, причем не только в сфере доходов, но и в социокультурной области.

Поскольку нас интересовали проблемы миграционной подвижности казахов, необходимо было исследовать роль *этнической идентичности* мигрантов Астаны как фактора их адаптации. Это тем более важно было сделать, учитывая характер постсоветского казахстанского общества как общества трансформирующегося. В стабильных социумах, как известно, идентичности формируются в соответствии с нормативными структурами и институтами. В переходный период, когда происходит разрушение или качественное изменение социальных институтов и структур, возникают новые идентичности. Поэтому была поставлена задача описания новых идентичностей и солидарностей горожан и перемещенных в городскую среду. Нас особенно интересовало соотношение этнической и гражданской идентичности в идентификационных матрицах различных групп городского населения. Чтобы получить данные об этом, респондентам был задан вопрос "Кем Вы себя чувствуете в большей мере?" и предложена структура ответов. Как показал анализ простых распределений в наблюдаемом замере, в идентификационных матрицах горожан и мигрантов имеют место некоторые различия. Так, в структуре идентичностей *гражданская идентификация* у горожан и межгородских мигрантов находится на первом месте (54,4% и 52% соответственно), а у сельско-городских мигрантов - на втором (28%). Вторым по значимости объектом идентификации для жителей Астаны является их город (29,7%). У перемещенных же идентификация себя с этим городом находится на третьем месте. Очевидно, что в сознании и жителей Астаны, и мигрантов-горожан доминирует соотнесение себя в первую очередь с такой крупной символической общностью, как *казахстанцы*. В то же время только треть из опрошенных сельских мигрантов ощущают себя в первую очередь казахстанцами: в сознании их большинства преобладает идентификация по национальному признаку (59%). У межгородских мигрантов она на втором месте в структуре идентичности (21%).

Одна из гипотез исследования состояла в предположении, что на поведении сельских мигрантов в городе этнический фактор будет сказываться сильнее. Верификация этой гипотезы вызвала вопрос "Встречая в своей жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их. Иные же, хоть и живут рядом, всегда остаются чужими. Если говорить о Вас, как часто Вы ощущаете близость с разными группами людей - с теми, о ком Вы могли бы сказать "это — мы"?" В качестве объектов идентификации были предложены: "люди своей национальности", "товарищи по работе", "тот, кто сам делает свою судьбу", "тот, кто живет в нашем городе, селе", "своя семья", "казахстанцы", "тот, кто уверен, что от его действий ничего не зависит", "друзья". Были предложены следующие варианты ответов: "часто", "иногда", "практически никогда", "трудно сказать". В анализе результатов используются понятия "позитивная идентификация", если респондент выбирал ответы "часто" и "иногда", и "негативная идентификация", если отмечалось "практически никогда" [3]. Как и предполагалось, в структуре сознания сельских мигрантов доминируют *примордиальные группы*. 93% респондентов идентифицируют себя с семьей, 94% - с людьми своей национальности. Примерно то же самое и у межгородских мигрантов: 94% идентифицируют себя с семьей, 91% - с людьми своей национальности. Коренные жители города на первое место ставят семью (97,5%); идентификация с людьми своей национальности (89,4%) находится у них на третьем месте. Следовательно, идентификационные матрицы трех групп несколько отличаются, особенно в том, что касается этнической идентификации. Ее измерение подтвердило положение об этнической группе как важном адаптивном ресурсе перемещенных в городскую среду.

Одной из важных составляющих этнической идентичности, как известно, являются этносоциальные представления. В их структуре центральное место занимают образы собственной и другой этнической групп. Этим образам соответствуют автостереотипы и гетеростереотипы. Измерение этнических стереотипов в данном исследовании было построено на основе методики "Культурно-ценностного дифференциала" [4].

Представляют интерес сопоставления Мы-образа этнической группы казахов (авто-стереотип) с ее представлениями о другой этнической группе - русских (гетеростереотип). Начнем с анализа этнического образа собственной группы на примере *сельских мигрантов*. В их сознании собственная этническая группа предстает как группа, которой присущи взаимовыручка, а не разобщенность, миролюбие, а не агрессия, скорее замкнутость, нежели открытость, дисциплинированность и законопослушность. Мы-образ характеризуется также традиционализмом, осторожностью, уважением к власти, сердечностью, общинностью; при этом свой этнос понимается как устремленный в будущее, а не в прошлое. Русские рисуются сплоченным, больше замкнутым, нежели открытым, дисциплинированным, агрессивным этносом. Казахи оценивают русских как традиционалистов, осторожных, законопослушных, не склонных к риску, уважающих власть, с выраженной общинностью. Для казахов русские - сердечные и нехолодные люди.

В выборке *межгородских мигрантов* казахи оцениваются как менее сплоченный этнос, менее замкнутый, менее агрессивный, менее осторожный, более склонный к риску, устремленный в будущее. При сравнении обеих групп их оценки собственной группы по шкалам дисциплинированности, традиционализма, уважения к власти, законопослушности и сердечности совпадают. Казахи видят свой и русский этносы одинаково замкнутыми, традиционалистскими, одинаково осторожными, уважающими власть, законопослушными, оба этноса устремлены в будущее. Различия заключаются в понимании собственного этноса в сравнении с русским как более сплоченного, дисциплинированного и более миролюбивого. Таким образом, восприятие казахами русских приближено к представлениям о самих себе.

Подводя некоторые итоги исследования, можно сделать следующие выводы. Миграционная мобильность казахского этноса в современных условиях возросла, что связано во многом с политикой урбанизации, осуществляемой в республике. Мотивы миграции, судя по данным исследования, носят преимущественно социально-экономический характер, хотя в случае с городскими мигрантами имеет место и социально-культурная мотивация, в пользу чего свидетельствуют различия в поведенческих стратегиях выходцев из сел и областных городов. Если в среде городских мигрантов превалирует достиженческая стратегия поведения, то основной доминантой поведения сельских мигрантов выступает, в сущности, выживание. По социально-демографическому, социально-экономическому и социокультурному составу обе рассматриваемые группы друг от друга отличаются. Первую - межгородские мигранты - можно определить как ресурсно достаточно сильную группу, вторую - сельские мигранты - как ресурсно слабую (отсутствие должного образования, квалификации, возможности покупки жилья и т.д.). Ведущей сферой занятости данной группы является так называемый неформальный сектор городской экономики. Сельские мигранты, с тем чтобы быстрее "вписаться" в экономическую жизнь города, занимают ниши именно в этом секторе рынка труда - оптовая или розничная торговля, строительство, оказание других, преимущественно простых услуг и т.д. В группе же городских мигрантов преобладает занятость в "фирменном" и бюджетном секторах, но роль традиционных механизмов адаптации также является значимой. Что касается этноса этноса мигрантов, то в нем важное место занимает этническая идентичность, являясь одним из ресурсов их адаптации к новым условиям жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузнецова СИ. Этносоциальные проблемы государств Центральной Азии. М., 1995.
2. Астана в цифрах (1999, 2000, 2001 гг.). Астана, 2001.
3. Данилова Е.Н. Социальные идентификации личности в постсоветской России (1992—1997 гг.). Дис. ... канд. социол. наук. М.: Институт социологии РАН. 1997.
4. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М, 1998. С. 195-196.